

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава V

Аббатство Гардиен ~ август 1347 года

Фонари в туннеле давно погасли, за исключением одного, который теперь был прислонен к стене.

Свет от настенного кронштейна освещал вход в живописные катакомбы Лазаря . В хорошем освещении Иван, прижавшись своим крупным телом к дверному проему, пристально рассматривал письмо. Внутри комнаты Лазарь сидел на краю кровати и пил из деревянной миски.

Лазарь, перекусывая, спросил: «Что вы читаете, монах?»

«Завтра я отправлю письмо брату Сальвитино », — ответил Иван, уткнувшись взглядом в письмо.

"Кто он?"

«Здесь, в аббатстве, когда-то жил монах из Нижнего совета . До вас — еще до вашего рождения».

«Где он сейчас?»

«В Италии — Канчелло — другой монастырь, где проходил собор».

«Почему вы ему пишете?»

«Он мне в долгу. И он может помочь нам в одном небольшом вопросе — когда мы уедем в Италию».

«Италия? А что же Бургундия?»

«Италия — первая».

«Брат Одно по-прежнему с нами, верно?»

Монах кивнул в знак согласия. «Он согласился».

«В чем ваш долг перед вами, брат Сальвитино?»

Иван на мгновение оторвал взгляд от страницы. «Довольно, Лазарь, ешь».

Лазарь откусил еще кусочек, коротко пожевал и повернулся к Ивану. «Пока тебя не было, я видел, как сюда принесли человека и заперли в одной из камер. Что он сделал, монах?»

«Заключенный предстанет перед судом за ересь. Его уведут утром».

«Что он натворил?»

«Он тебе не помеха, Лазарь, ешь. Уже поздно».

Лазарь украдкой взглянул на Ивана, который был поглощен чтением письма. Он достал из миски немного мяса и хлеба, бросил их под кровать и продолжил есть.

«Возможно, он голоден», — предположил Лазарь.

Иван откашлялся, сложил письмо и сунул его под одежду. «Доешь свою еду, сынок. Я не хочу, чтобы ты был рядом с ним. Ты меня собираешь?»

«Да, монах». Иван заглянул в миску и наблюдал за каждым кусочком, пока Лазарь не сунул последний кусочек хлеба под край своей маски. С довольной улыбкой Иван взял пустую миску. Лазарь бросился под одеяло.

Иван укрыл его одеялом. «Ты молишься?»

«Да, братец. И я молился за заключенного».

«Прекрасно. Тогда увидимся утром. Спокойной ночи».

«Добрый вечер, монах».

Иван неуверенным шагом вышел из комнаты, снял с стены дверной факел и направился к выходу из катакомб.

Выглянув из-за кучи одеял, Лазарь наблюдал, как черты его дверного проема погружаются во тьму, когда свет факела Ивана освещает коридор. Затем он прислушался к шлепку сандалий по камню, когда Иван поднимался по лестнице катакомб. Наконец, Лазарь резко выпрямился от лязга далекой двери. Теперь, движимый скорее любопытством, чем родительскими наставлениями, он достал еду из-под кровати, завернул ее в ткань и на цыпочках пошел по коридору. Достигнув перекрестка туннелей — Бенионский туннель слева и короткий коридор справа — он повернул направо, чтобы войти в короткий проход с камерами. Шесть дверей камер тянулись вдоль стен — три напротив трех. Вместо склепов для мертвых, в этих камерах находились камеры с запирающимися дверями, чтобы заточить живых. Узкие окна на дверях были снабжены раздвижными железными пластинами.

Лазарь подошёл к последней камере справа. Он отодвинул оконную раму; звук невнятных молитв прекратился.

«Здравствуйте, господин. Я принёс еду. Меня зовут Лазарь. Я могу поговорить с вами, если вы этого пожелаете».

Соломинка камеры зашуршала, и раздался голос: «Привет, Лазарь. Да будет прославлено имя Господа Христа, Который есть Иисус».

Лазарь передал еду через окно, ответив: «Блажен Он. Принимайте еду, господин».

Когда заключенный достал предмет, Лазарь украдкой взглянул на его лицо. Это был молодой человек со светлыми волосами, карими глазами и тонкой бородой, обнажавшей худощавые черты лица. «Я очень благодарен», — ответил заключенный. Он присел на корточки у двери, и Лазарь сделал то же самое, оставив между ними всего два дюйма дубовых досок.

Лазарь ковырялся в двери. «Зачем ты здесь?»

Заключенный ответил с набитым ртом: «Обвиняемый в ереси. Я предстану перед инквизицией».

"Что ты сделал?"

«Я живу так, как жил Иисус».

«Тогда как же это может быть ересью?»

Заключенный проглотил еду и объяснил: «В нашу деревню пришел епископ со своими многочисленными солдатами и созвал всех. Он записал наши имена и ремесла в своем дневнике». учетные книги — для определения размера нашей десятины церкви. Как и многие в деревне. Мы были членами Братьев Покаяния, Третьего Ордена Святого Франциска, но отказались. Это было неправильно.

«Платить десятину неправильно?» — спросил Лазарь.

«Иисус прожил свою жизнь в совершенной апостольской бедности. Все люди Божьи должны жить как Христос. Написано: легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Божие. Человек беден, когда у него нет ни монет, ни ремесла».

И всё же он может быть богат во Христе и приносить Ему десятину.

"Как же так?"

«Оставьте десятину с полей нетронутой. Оставьте десятину со скота на свободе. Оставьте десятину с плодов несобранными; отдайте десятину от своей еды голодному человеку. Десятин — это приношение, установленное Отдельно от Бога. Храмы не имеют права собирать десятину — это места исключительно для поклонения.

«Однако Церковь помогает бедным, не так ли?»

«Если Церковь собирает десятину, предназначенную Богу, и использует её, независимо от своих намерений, то приношение предназначено не Богу, а Церкви. Таковы слова из Евангелий от Луки и Матфея».

«Я знаю эти слова, господин. Вы показали их епископу и солдатам?»
«Они их знают».

«Почему вы не сказали им, что будете работать, — ведь когда они уйдут, вы все сможете убежать?»

«Неужели Иисус убежал?»

Лазарь почесал затылок и осмотрел каменные плиты, прежде чем обратить свое внимание на... дверь. «Тогда, может быть, вы скажете им, что займетесь тем же ремеслом, что и Иисус. Скажите им, что ваше ремесло — учить бедные массы о Боге. Предложите им десятину от ваших учений, не так ли?»

Заключенный усмехнулся. Лазарь склонил голову набок, как озадаченная собака. «Это не так просто, Лазарь. Я должен поклясться перед Богом. Инквизиция уже подготовила вопросы, которые должны меня осудить. Я не могу поклясться и солгать. Я уже приговорен — меня сожгут».

«Сожжены? Церковь сжигает людей?»

«Сотни; сгорели».

«Церковь? Ведь Церковь от Бога. Зачем ей сжигать людей?»

«Причин много. В основном, это неуплата десятины или приверженность другой вере».

Наконец Лазарь возразил: «Тогда слова святого Матфея — ложь : „Всякий грех и всякое злословие простятся людям, а вот злословие Духа не простится им“».

«Не лги. Разве ты не помнишь этих слов, Лазарь?»

Лазарь начал: «Я знаю их, господин. Но если они сожгут вас...»

«Я не буду приносить клятву, как не делал Иисус. Я не буду бежать от тех, кто несправедливо осуждает меня».

И я не стану лгать им, чтобы спастись.

«Сэр, если они вас сожгут...»

«Иисус не лгал и не искушал. Лазарь, не отвращай меня от Господа».

«Сэр, могу я задать вам один вопрос?»

«В самом деле, Лазарь».

«Почему ты не попросил меня открыть эту дверь, зная, что тебя сожгут?»

«Я уже свободен. Эта дверь, открытая или закрытая, не может даровать свободу. Свобода — это...»
в пределах."

«Позвольте мне открыть эту дверь, чтобы вы могли убежать?»

«В самом деле, нет. Ты опять искушаешь меня, Лазарь?»

«Нет, сэр. Просто я не понимаю, почему вы не хотите спастись».

«Вера, Лазарь. Я уже спасен одной лишь верой».

«И они сожгут вас, как вы говорите?»

«Они должны».

«Если это правда, сэр, то почему я не читал о подобных вещах?»

«Возможно, вы не в состоянии читать о них. Тем не менее, вы образованный человек. Вы что, мальчик-священник?»

"Я."

«Ах! Вот оно что. Как мужчины надевают уздечки на коней и пасут скот, так и вы — конь и корова. Сыновья становятся отцами, а мальчики-священники — монахами, которым они служат. Одно поколение порождает другое».

Лазарь опустил голову, обдумывая мудрость этих слов, и снова повернулся к двери. «Как вас зовут, господин, чтобы я знал, за кого молюсь?»

«Я беден во Христе. Молитесь за меня соответственно». Солома зашаркала. «Благодарю вас за вашу щедрость и присутствие. Теперь я должен обратиться к своим собственным молитвам. Благословенно имя Господа Христа Иисуса, и благословенно завещание святого Петра Иоанна Оливийского. Благословенны их имена», — произнес заключенный, отползая от двери. «Добрый вечер, Лазарь».

Лазарь крикнул ему вслед: «Бедный во Христе?»

Тишина.

«Бедный во Христе?» — снова воскликнул Лазарь. Но узник больше ничего не предложил.

Таким образом, Лазарь покинул камеру и зашагал прочь. Однако, едва он вышел из коридора, как по пути в свою комнату раздался треск из туннеля, расположенного рядом с главной дорогой и прямо напротив того прохода, из которого он уходил. Звук, похожий на треск ломающегося дерева, эхом разнесся из глубин туннеля Бенион — более древнего из туннелей Бениона. многочисленные подземные артерии. Сколько Лазарь помнил — словно незыблемый закон — существовало незыблемое правило: он мог бродить по всем туннелям катакомб, за исключением Бениона. Иван запрещал ему ступать под его опасные каменные своды, которые висели настолько ненадежно, что протекали даже после умеренного дождя. Кроме того, поскольку Бенион был всего лишь мертвым боковым проходом, содержащим только запечатанные двери склепов. Слипшиеся локоны, покрытые многовековой ржавчиной, не давали ему причин рисковать. Однако Иван недооценил зарождающееся у Лазаря чувство независимости, как это часто бывает у преданных родителей — доверчивых и закрывающих глаза на происходящее.

Лазарь стоял перед входом в Бенион и слушал капание воды, эхом разносившееся по его полым небам. Он снова слышал этот шум, похожий на треск трещащих досок, которые извивались под тяжестью чего-то тяжелого.

бремя. Любопытство укусило его — плод искушения поглотил его — независимость двигала им. Таким образом, он перевел дух, огляделся и прокрался по туннелю Бенион. Он промчался мимо многочисленных дверей склепов, лишь мельком взглянув на них. Наконец, достигнув конца коридора, он обнаружил причину шума — последняя дверь склепа выгнулась наружу, испещренная зазубренной линией щепок, пересекающих ее вдоль вертикальные доски.

Деревянную дверь уже отделяла щель от каменной рамы, а железный замок был сломан. Широко раскрыв глаза, он украдкой заглянул между дверью и рамой и обнаружил ряд прямоугольных углублений — четырехэтажных захоронений, в которых когда-то находились люди, — высеченных в правой стене большого захоронения. Склеп. Внутри, за столом, виднелся только склеп. К задней стене висел ржавый железный распятие, но видна была лишь его половина — и еще меньше мрачной комнаты.

Он обнюхал отверстие, чтобы различить многовековые, переплетающиеся запахи, исходящие из гробницы : запах истлевшей ткани; аромат меловых костей; затхлый запах старого гриба и сладость влажного камня. Заинтригованный, Лазарь просунул пальцы в щель и потянул. Дверь заскребла по полу, когда он распахнул её . Новое дерево расколосось — расколосось — до...

«Бах!» Дверь мгновенно взорвалась, разбрасывая осколки досок по противоположной стене. Арочные камни над дверью обрушились, а замковый камень потерял всякую опору. Еще выше большой участок стены и прилегающей крыши обрушился лавиной, которая прокатилась вокруг него. В разгар бушующего хаоса он нырнул в дальний угол стены терминала, когда часть ее каменной кладки обрушилась на пол.

Вернулась тишина, нарушаемая лишь журчанием струй воды, бьющихся о каменные плиты. Когда пыль и обломки осели, Лазарь поднялся на ноги, грязный, но невредимый. Он насторожил пару собачьих ушей под капюшоном и стал прислушиваться к звукам. Падающая вода звучала как пульсирующий рев, скольжение оседающих камешков — как валуны, падающие в глубокий овраг, а тихое шуршание крысиных лап — как грохот копыт. Однако внимание Лазаря не отрывалось от входа в туннель Бенион. Он не слышал скрипа двери катакомбы, хлопанья монашеских сандалий по каменной лестнице — только звук далекого узника в проходе между камерами, шаркающего в соломе.

Лазарь осмотрел обломки вокруг себя. Конечная стена туннеля в основном сохранилась. Он остался невредим, за исключением небольшой впадины там, где камни уже обрушились на него — поврежденный участок стены теперь представлял собой, казалось бы, бездонную дыру. Из отверстия уже лил затхлый, застоявшийся три столетия ветерок. Затем он понял, что...

То, что казалось предполагаемым концом заброшенного тоннеля Бенион, оказалось лишь разрушающейся фальшивой стеной — очевидно, проход простирался дальше.

Лазарь заглянул в отверстие, его капюшон развевался перед продуваемым ветром проемом. Во всём, кроме одного, продолжающийся туннель повторял незапечатанный участок. Могло показаться, что проход был заброшен ещё до его полного завершения, поскольку, хотя стены туннеля были укреплены склепами, ни одна из полостей не была отделана дверями. Он протиснулся между расшатанными камнями и шагнул внутрь. Ему стало ясно, что в склепах никогда не хранились останки. Ни в первом, ни во втором — трупы всегда оставляли на камнях под ними ржаво-красную патину, которую не могут смыть даже столетия. Он продолжил идти по туннелю, проходя мимо многочисленных... незанятые и недостроенные склепы.

Хотя воздух в склепах оставался чистым, по мере того как он продвигался дальше по коридору, воздух все больше напоминал о смерти, усиливаясь от запаха древних останков. Лазарь углубился в туннель. В конце туннеля он обнаружил, что вход в последний склеп отличается от остальных: короткая и потрепанная дверь была замурована остатками разрушающейся каменной стены — словно более поздняя, новая каменная стена была построена, чтобы скрыть все следы теперь открытой двери. Из-за потрескавшихся досок двери исходил запах гнили. Он отодвинул незакрепленные камни, прорвался сквозь паутину, оттолкнул изъеденные червями и расщепленные доски и проскользнул внутрь. Ни единого проблеска света не было, но в этой нетронутой и мертвенно-тихой черноте за разбросанными остатками короткой потрепанной двери голодные зрачки Лазаря расширились до неестественной ширины. Словно шары совершенного ночного хищника, они сорвали чешую тьмы и увидели всё.

Склеп выглядел так, будто когда-то использовался как жилое помещение, однако от него отчетливо исходил запах гробницы. Повсюду валялись обломки керамики, истлевшая ткань и пыльные артефакты . Лазарь обыскал ниши в стенах, но не обнаружил никаких останков, завернутых в монашеские одежды. На самом деле, открытые гробницы служили стеллажами для хранения, где скопились обломки странного разного рода. В воздухе витал еще один запах — слабый резкий запах чернил. Лазарь пересек комнату и остановился над узким столом со скамьей, когда-то использовавшимся в качестве письменного стола. Его столешница была испещрена царапинами, воском и чернильными пятнами. На ней стояла засохшая и пустая чернильница. Что-то необычное в этом столе привлекло его внимание, когда он внимательнее рассмотрел его поверхность. Внимательно изучая поверхность, он склонил голову. Ни чернильница, ни пятна не выдавали ничего особенного; однако то, что привлекло его внимание, было неясным, но несомненно существовало . Он опустил нос всего на несколько сантиметров от стола и понюхал. И все же ничего не обнаружил.

Затем он отступил назад, расположившись по центру стола — и вот оно. Лазарус стер слой пыли. Какое бы любопытство ни терзало его чувства, оно проявлялось только через глаза. После удаления пыли и мусора оставшиеся царапины на столе приобрели очертания, и он не обнаружил ничего. Случайные резные изображения, но упорядоченные символы. Это были не иероглифические рисунки — они представлялись более отчетливо в виде непрерывных рядов геометрических фигур. Их положение и расстояние между ними определяли произношение и смысл слов Лазаря. В узнаваемом узоре круги и линии образовывали буквы — слова — предложения — в конечном итоге сливаясь в ясные и понятные потоки смысла. Однако надписи не были ни французскими, ни латинскими, а принадлежали к странному языку, столь неизвестному миру пера и пергамента. По правде говоря, ни один человек не мог написать это послание на столе, поскольку язык, на котором оно написано, никогда не существовал на земле. С некоторым трудом Лазарь произнес слова и разгадал их смысл:

Сегодня я дарю своему брату подарок.

В этом склепе хранится всё моё слово.

В углу склепа,

Его высота составляет четыре камня.

Четвертый камень болтается.

Лазарь посмотрел в сторону угла склепа — ровно на четыре камня выше уровня пола — узкая щель, где отсутствовал раствор, окружала край стертых камней. Он отодвинул камень от стены и из оставшейся пустоты, покрытой древней паутиной, вытащил толстый рулон пожелтевших страниц. Он развернул их на столе.

На самой верхней странице находилось письмо, в котором говорилось:

Ради тебя, брат мой —

Двадцать восьмого дня сентября, в году от Рождества Христова тысяча шестьдесят четвертом, я пишу этот последний из многих листов. Тяжело мое сердце, ибо скоро я... Знаю состояние Смерти. Её запах поглощает меня. В своей гибели я вынужден удивляться той стороне Бога, которая позволяет таким скорбям и злодеяниям царить под Его властью. Я не могу постичь этого — в моих глазах я никогда этого не пойму. Моя вера Улетело. Пламя погасло в моей груди, и я — не более чем Смерть, ожидающая Себя.

Я должен предупредить вас о Совете. По клятве Совета мне был предложен пакт. До сих пор...

Суть соглашения заключалась в том, что с помощью перевода я расшифрую для них язык Каменных Ворот. В свою очередь, они предоставят мне свободу — такую свободу, чтобы я навсегда покинул Аббатство Гардъен. У меня не было другого выбора, кроме как согласиться.

Прошло два полных сезона, пока я переводил отрывки, которые мне приносили по одному в мои покои. За этот короткий промежуток времени, за все мои годы, я жил в полном довольстве как человек Божий. Мое заточение больше не тяготило меня, ибо Совет украсил мои покои, словно я был королем. Все было мне даровано, за исключением ослабления моих цепей или ухода папской охраны с их удрушающими факелами, которые навсегда оставались у моей двери.

Мне не хватало лишь свободы, и я воспринимал мечту как нечто реальное, подобное холодным оковам, сковывающим мои руки. Тем не менее, примерно в середине второго сезона меня охватила непреодолимая печаль. Даже чтобы прогнать мечту. Из языка Вратного Камня я узнал его предназначение. Это так мучило меня, что я перестал молиться. Моя вера, Боюсь, я навсегда потерян. Я ничего не желаю больше, чем смерти. По замыслу Божьему, я никогда не постигну Его методов, но всегда буду знать своё место в Нём.

С этого момента я прекратил свои трансвидения, чем разгневал Совет. В ответ Совет вынес из моих покоев всю мебель и вернул меня в ужасные условия, в которых я жил до начала своей работы на них. Я стал болезненным. После долгого перерыва я согласился завершить трансвидения в рамках соглашения, но с повторным обещанием свободы.

С тех пор я завершил работу, и прошло три сезона. Какое-то время я сомневался в своем заключении. Аббат Собора говорил только об одном — чтобы я еще некоторое время посвятил свой совет священникам. Я не видел их почти целый сезон. С тех пор я понял, что больше не приношу пользы Собору, о чем свидетельствует, в частности, ухудшающееся состояние моих покоев. Со временем я осознал, что они никогда и не собирались освободить меня от этого рабства, даже с самого начала. Это мои последние слова, поскольку чернила в моей келье до сих пор не высохли. К моему величайшему удивлению, аббат Собора пришел ко мне рано утром. Он сообщил мне, что меня никогда не освободят — это противоречило окончательному решению Собора, как я п Слишком много внимания уделялось местонахождению камня и словам, сказанным на нем. Вместо этого Собор предложил мне отпущение грехов, безболезненное зелье сна и обещание святого погребения.

Увы, у меня пока нет ни дня, чтобы обдумать это предложение, ведь он вернется завтра . И снова у меня нет выбора, кроме как согласиться на зелье, иначе мне придется столкнуться с ужасами солнца. Я оставляю тебе, мой брат, который может прочитывать эти слова, все оригинальные надписи на Вратном камне. Пусть тебе будет лучше, чем мне. Пусть ты извлечешь уроки из моей жизни.

Поистине, я могу свободно скитаться по годам, лишь с воспоминанием о сладкой печали. Я прожил жизнь, которая мне не принадлежала, в этом склепе, который мне не принадлежал, но с мимолетной мечтой, которая была целиком моей — мечтой о свободе, которая оказалась слаще всего, что сама свобода могла мне когда-либо дать.

Я-

Священник Нарамсин

— Переводчик Совета

Ледяной ветерок шелестел страницами, неся с собой запах разлагающихся костей. Он взял страницы со стола и продолжил осмотр склепа. На дальней стене, в самой нижней нише, лежала ткань, накинутая на что-то совершенно скрытое. Он подошел. Когда Лазарус схватил ткань, она порвалась у него в пальцах, как полотно, сотканное из паутины . Он осторожно отслоил гниющую ткань, чтобы показать...

«Ах!» Он резко отпустил ткань, словно она его укусила. У него перехватило дыхание, и Он упал навзничь на пол. Его пробрал холод; сердце затрепетало. По телу пробежала жгучая боль. Перед ним, жестоко прикованные цепями, лежали останки взрослого гротеска — кости Нарамсина . Он видел много трупов, но никогда прежде не видел другого гротеска. Толстые клыки были вбиты в человеческий череп. Кости крыльев лежали под трупом. Лазарус смотрел на себя — увеличенную версию самого себя — разложившуюся и закованную в цепи!

Лазарь впал в состояние абсолютного ужаса — всепоглощающее и недолговечное состояние, зажатое между криком и окаменевшей тишиной. Если бы он не был жив, его сердце подзывало бы Смерть, чтобы она его заглушила.

Он вскочил на ноги и выбежал из склепа со свитками Нарамсина . Он взлетел по туннелю Бенион, нырнул в дыру в фальшивой стене и перепрыгнул между разбросанными камнями. В мгновение ока он оказался внутри нетронутых и знакомых стен своих покоев.

Спрятавшись под одеялом, он окунулся в тишину, его сердце бешено колотилось вместе с мыслями. Он поспешно запихнул свитки между складками коврика, проверил шнурки капюшона и глубоко зарылся в постель. Он чувствовал себя грязным — оскверненным изнутри. Он жаждал невинных снов — чего угодно, кроме ужасного образа собственных скованных останков. Никогда прежде он не чувствовал себя таким одиноким — таким находящимся под угрозой — таким смертельно напуганным.

Сильно бьющееся сердце и мучения разума погрузили его в извращенный кошмар — не столько ужас, сколько ослабление слишком напряженного психического состояния. В этом сне он обнаружил себя обнаженным, несущимся вверх по изогнутой лестнице к входной двери катакомб. Он мчался к свободе — он жаждал освободиться из туннелей — от рушащихся стен смерти. Каждый удар сердца был еще одной пройденной ступенькой, но чем быстрее он поднимался, тем выше вход удалялся от него, вырисовываясь вдали. Лестницы следовали одна за другой — и, возможно, еще больше лестниц. Их было достаточно, чтобы подняться даже на небеса. И на протяжении всего ночного сонка, каким бы вечным он ни казался, ужасный сон повторялся снова и снова: Тук- тук-тук-мех! Тук-тук-тук-мех!

~*~

Багровый свет первых лучей солнца окутал аббатство Гардиенс. Однако, поскольку монахи и оруженосцы были заперты в своих покоях, а утренние службы отменены, тусклые владения аббатства оставались такими же безжизненными, как склеп Нарамсина. Тем не менее, в большинстве спальных помещений священник стоял на коленях перед Он стоял у изножья своей дощатой кровати, молясь о безболезненном преображении. В других местах тени нетерпения двигались в каменных рамах узких окон, бросая любопытные взгляды на двор. В воздухе витало беспокойство — напряжение.

Брат Иван прислонился к окну своей кельи, всматриваясь в призрачные одежды, пересекавшие пространство. Во дворе. Он мельком увидел восходящее солнце и вцепился пальцами в оконную раму. Внизу начался ритуал: аббат Вониг сопровождал трех крепких священников в баню.

Войдя внутрь, аббат приказал своим монахам: «Вы — закройте дверь и займите свои места». «К окну. Вы двое — принесите эту штуку. И остерегайтесь её зубов!» — аббат направился к каменному столу, расположенному ближе всего к восточной стене. Верхняя часть подставки была черной, как уголь, явно обугленной от многочисленных предыдущих костров. Двое монахов вместе скрылись в полумраке бани, а третий обошел аббата и заглянул в вертикальную щель между закрытыми оконными рамами, выходящими на рассвет.

Шуршание, стоны и шипение свидетельствовали о борьбе в задней части бани. «Осторожно!» — крикнул Вониг. Он вытащил из-под мантии маленькую фляжку и окропил стол щепоткой. Затем он пробормотал молитву.

Двое крепких монахов вернулись с Гротеском, выведя её вперёд, пока она сопротивлялась им. «Солнце проясняется, аббат!» — крикнул священник у окна. Вониг кивнула, продолжая бормотать. Монахи потащили её к столу, пока Вониг прочитано из его рукописи; — *Pater noster, qui es in caelis, Sancificetur Nomen Tuum; Adveniat regnum Tuum; Fiat voluntas Tua In Terra...*

Гротеск уперлась ногами в край стола, пытаясь вырваться из рук своих похитителей. и воскликнула им: «*Baut! Eca am sha tular!*»

Аббат возразил, продолжая: «*...in terra sicut in caelo. Panem nostrum cotidianum da nobis hodie...*»

Она шипела на монахов, извиваясь и пытаясь удержаться подальше от стола. Священники надели ей на запястья и лодыжки кожаные ремни. Они резко дернули за них, выведя ее из равновесия, а затем потащили по столешнице, ее крылья хлопали им по лицу. Монахи расположились по обе стороны стола, каждый держал по паре ремней, прижимавших ее руки и ноги к каменной плите. Борьба закончилась; Она не могла освободиться. Сидя на согнутых коленях, она могла лишь смотреть на аббата. Глаз Вонига пробежался по написанным словам. «*...et dimitte nobis debita nostra, sicut et nos...*»

Гротеск прервал его тихой, девичьей мольбой: «Шат на каут — хм? Каут?»

Вониг отвлекся и, недолго думая, поднял взгляд от своего фолианта, чтобы увидеть нежное, но ужасно потрясенное лицо — и даже наметившиеся слезы, блестящие в паре потрясающих голубых глаз. И он ясно заметил, словно впервые, что она выглядела поразительно человечнее любой гротескной фигуры, которую он видел за всю свою жизнь. Совершенно очевидно, что, если бы не крылья и уши, она могла бы выглядеть не более чем бедной и испуганной девушкой, зажатой между сковывающими путами пары здоровенных и хмурых священников.

Вониг оторвал свой обеспокоенный взгляд и продолжил: «—*et nos dimittimus*—» Вониг задохнулся от слов. Он откашлялся: «—*et nos dimittimus debitoribus nostris*—» Голос его снова дрогнул. Он прервал свой рассказ, резко обернулся и крикнул священнику через баню: «Откройте проклятое окно! Сделайте это сейчас же!»

Два монаха откинулись назад, опираясь на веревки. Она зашипела на них. Другой священник схватился за деревянные ставни, но замешкался. Он оглянулся на Гротеск, поморщившись, и увидел, как у него на глазах навернулись слезы.

«Покончи с этим, монах!» — отчитал его Вониг. Священник тут же распахнул ставни.

и лучи солнечного света заливали баню.

«Скрип!» — пронзительный вопль разнесся по территории аббатства. Из окна бани вырвалось облако пепла .

Дверь бани распахнулась, и кашляющий Вониг, потирая глаза, поспешно выскочил из задымленного входа, направляясь в свой кабинет. Через некоторое время из здания вышли оставшиеся монахи, неся с собой каменную статую еще одного гротеска — еще одного поверженного солнцем Эльо с расплавленными крыльями — его поза застыла в коленопреклоненном положении, а обращенное вверх лицо выражало гранитную агонию.

Через двор узкая рама окна общежития на втором этаже очерчивала силуэт высокого священника с кольцом седых волос, плачущего и прикрывающего рот рукой. У крыши общежития еще одна пара глаз смотрела вниз на монахов и их статую: блестящие черные сферы светящегося ворона, сидящего на сливовом дереве во дворе. Она благоговейно наблюдала, как три монаха уносят последнюю гротескную скульптуру Гардиена — последний «подарок» Гардиена , доставленный в монастырь Канчелло в Центральной Италии для установки на карнизе собора.

~*~

Иван шагнул через вход в катакомбы. Спустившись по лестнице, он наткнулся на Лазаря, который стоял, держа в руках зажжённый факел и нервно перебирая пальцами.

Иван остановился на ступеньках. «Лазарь?»

«Монах, я должен вам кое-что рассказать. Это случилось вчера вечером».

«Что случилось?» Иван поспешно спустился по оставшейся лестнице.

«Что случилось?» Он обогнул Лазаря и каменный угол и обнаружил, что факелы катакомб уже горят. «Почему вы зажгли все факелы так рано — и до моего прихода?»

«Произошла неприятность, монах».

«Заклученный?»

«Крыша обвалилась».

«Что? Ты ранен?» Иван схватил его за руку, развернул и осмотрел с той же тщательностью, что и суровый, потрясенный страж.

«Нет, монах».

«Покажи!» Иван взял факел Лазаря и последовал за ним в Бенионский туннель, до самого конца. Иван высоко поднял факел, шагая по камням и осматривая повреждения. Затем он заметил зияющую дыру в стене и замер.

«Туннель продолжается?» — Он повернулся к Лазарю, недоверчиво подняв брови.

«Да, монах».

Иван поднёс свой факел к отверстию, и его пламя отражалось в завывающем ветерке.

«Оставайтесь здесь», — сказал Иван, пробираясь сквозь лощину.

«Однако я уже...» — осекся Лазарус.

Иван обернулся и спросил: «Ты здесь был?»

«Да, монах, но...»

«Тогда мы обсудим ваше непослушание позже».

Лазарь опустил голову. Пройдя сквозь отверстие, Иван оглянулся на него. «Ну, пойдём».

Тогда вперед — раз уж вы знаете дорогу.

Лазарь бросился вслед за ним.

По мере того как Иван освещал каждый из пустых склепов, Лазарь следовал за ним по пятам. Но мальчик отступил, когда Иван приблизился к последнему склепу.

«Монах, там ... там кости», — признал Лазарь, указывая на открытую дверь, вход в которую был завален камнями.

Иван вошёл внутрь, но Лазарь остался стоять на месте. Он насторожил уши под капюшоном. Он услышал, как Иван откинул прогнувшую ткань, услышал, как Иван затаил дыхание, услышал наступившую тишину, и, когда Иван вышел из склепа, Лазарь внимательно посмотрел на его лицо в свете факела. Иван был бледен и измождён, но ничего не сказал. Он просто смотрел в пол между собой и Лазарем, словно погружённый в размышления.

Лазарь нарушил молчание. «Монах, он такой же, как я. Видел? И он носит цепи».

Иван поспешно прошел мимо Лазаря. «Мы должны идти. Немедленно!» Он ни разу не оглянулся.

«Монах, почему он там?» — поспешно спросил Лазарь, отступая назад.

«Я ожидала, что ты останешься в постели. Ничего не говори о том, что видел. Больше никаких вопросов».

Мальчик уловил гнев в его остром языке.

«Простите меня, монах». Лазарь ускорил шаг, чтобы не отставать от быстрого и размеренного шага Ивана.

После того как они покинули недавно обнаруженный участок туннеля, Иван попросил Лазаря помочь ему заделать отверстие ранее упавшими камнями. Лазарь принес ему мастерок и наполнил ведра свежим раствором и водой. Наконец, когда Иван убедился, что ни один другой монах не заподозрит, что стена фальшивая, он приказал Лазарю вернуться в свои покои и велел ему остаться там.

Иван прекрасно понимал, что реставрация Бенионского тоннеля должна включать в себя поднятие...

Новая стена против недавно обнаруженной ложной стены. Если бы его собратья-священники обнаружили это

Остатки Гротеска — в последующем хаосе слухов и шумихи, которые неизбежно возникнут после его обнаружения, — могли бы привлечь к Лазарю излишнее внимание. Никто не должен знать, решил он, обдумывая планы реставрации, когда выходил из катакомб и направлялся к кабинету аббата . В конце концов, возраст туннеля Бенион не был секретом. Он давно предупреждал аббата Вонига о его неизбежном обрушении, и в его древней зрелости этот момент был лишь вопросом времени.

~*~

Территория аббатства кишела монахами и мальчиками с бритыми хохолками. Вдали раздался звон колокола главных ворот . Наконец, через двор пробежал оруженосец в рясе. Подобно Лазарю — словно призрак из мешковины — мальчик был в маске с прорезями для глаз. Голову полностью закрывал капюшон. Он промчался мимо монаха, который отругал его. «Мигуаль!»

Бег?"

Мальчик замедлил шаг и перешёл на бодрую походку. В дальнем конце аббатства он остановился перед решеткой и поклонился. Священник заметил его. «Мигуаль, твоя маска порвана рядом с глазом».

«Попросите брата Ивана зашить её или сделать новую».

«Монах Иван уже зашивает новую маску. Монах, я... говорю?» Невнятная речь мальчика указывала на серьёзную деформацию рта, скрытую под разорванной маской.

«Тогда выкладывай всё как есть».

«Солдаты у ... у ворот! Из Авиньона! Карета с ними... священник в ней! Красная ра-ра- ряса», — пробормотал оруженосец.

«Что он носит на голове, мальчик?» — внезапно спросил Грейт, охваченный тревогой.

«Белая кепка нависает над ушами. Еще одна лежит у него на коленях — большая. Красная шляпа».

«Что, во имя святого...» — проинструктировал Грейт мальчика. «Послушай меня! Сообщи аббату , что кардинал прибыл из Авиньона! А теперь — в путь!»

Когда Грейт отругал мальчика, тот поклонился и быстрым шагом удалился. «Мигуаль! Беги!» — сквайр бросился вперед и стремительно выскочил из-за угла.

Звон колокола продолжался, пока Грейт направлялся к главному входу. Он заметил перед воротами высокого солдата с кудрявыми черными волосами до плеч, тонкими усами и козлиной бородкой, а также нефритово- зелеными глазами. Тяжелый шрам испещрил щеку сурового, закаленного в боях лица. Грейт отпер засов и распахнул ворота. Солдат плюнул на землю, а затем обошел его. Проходя мимо, он бросил на него холодный взгляд и проворчал: «Либо тебе нужен колокол побольше, либо уши побольше».

Грейт нахмурился, глядя на слюну капитана Борна . Затем он увидел кардинала Блази, выходящего из кареты. Блази подошел к Грейту, прикрывая свои широкополые шляпы дьявольскими глазами. Грейт улыбнулся, поклонился и поцеловал вялую, протянутую руку Блази.

Монах, держа лук, произнес: «Ваше Высокопреосвященство; аббатство Гардиенс поистине удостоено чести».

«А КТО ВЫ ТАКОЙ?»

Грейт встал. «Брат Морис Грейт, Ваше Высокопреосвященство — хранитель гостей и надзиратель за посещениями».

«Хорошо, брат Грейт. Проводи меня к аббату». Брат повернулся, Блази последовал за ним, а капитан, махнув рукой четырем своим людям, призвал их следовать за ним, после чего произнес: «У меня двести человек, четырнадцать лошадей и шесть обозов с припасами. Мне нужно, чтобы за ними присмотрели».

Грейт тут же жестом подозвал мальчика-священника идти рядом с ним. «Иди в конюшни и сообщи брату Фестоно, что у нас гости — четырнадцать коней, нуждающихся в срочном внимании». Мальчик наклонил свою бритую голову и исчез.

Грейт обратился к Блази: «Возможно, вы и ваши люди проголодались? Если хотите, мы можем немедленно открыть столовую и кухни?»

«Пусть так и будет», — рявкнул Блази.

Грейт продолжил: «И не могли бы ваши гости остаться на ночь, Ваше Высокопреосвященство?»

«Несколько дней».

Грейт замер на месте. «Дни, Ваше Высокопреосвященство? В нашем аббатстве не хватает мест для такого количества мужчин!»

Блази подтолкнул его вперед. «Мы обсудим детали в свое время, монах. Во-первых, аббат».

Через двор монахи и оруженосцы глазели на процессию — все посетители были иностранцами. Блази не обращал на них внимания, а Борн внимательно рассматривал каждого. Его взгляд был сосредоточен на каждом.

Никакой вежливости — они падали повсюду, измеряя, оценивая. Группа вошла в здание, и Борн щелкнул пальцами у дверного проема. Двое солдат упали позади него и выстроились по стойке смирно у двери. Грейт повел Блази по коридору в кабинет аббата. Он легонько постучал в дверь.

Изнутри раздался хриплый голос: «Входите!» Борн снова щелкнул пальцами, и его солдаты откликнулись; они обошли его с флангов и выстроились по стойке смирно у двери. Грейт, Блази и Борн вошли в кабинет и обнаружили аббата Вонига спиной к ним, лицом к книжной полке. Вониг медленно повернулся, полностью погрузившись в открытую книгу, которую держал в руках. Наконец, он поднял глаза и был ошеломлен, увидев в своём кабинете кардинала. Он благоговейно поклонился. «Ваше Высокопреосвященство».

«Аббат», — ответил Блази тем же.

Грейт вмешался: «Аббат Вониг, Его Высокопреосвященство кардинал... э-э...»

«Кардинал Массон», — помог Блази представить Грейта, используя тот же самый псевдоним.

Использование имени «Массон» при получении неправомерного доступа к апокрифам.

Грейт продолжил свое представление, протягивая руку Блази: «Его Высокопреосвященство кардинал Массон прибыл из Авиньона, чтобы почтить память нашего аббатства».

«На этом всё, брат Грейт». Вониг отпустил его, вернув книгу на полку.

Грейт поклонился и ушел. «К сожалению, я принес плохие новости от Его Святейшества. Вам известно, что ваши кардиналы Высшего Совета, Василист и Лин, уже скончались?»

«Из недавней переписки я это узнал», — признался Вониг. Борн осмотрел комнату. Блази сделал добродушное лицо. «Однако иногда в мраке отчаяния мы обнаруживаем проблеск надежды. В связи с этим, аббат, я приношу и благую весть».

«А?» — улыбнулся Вониг.

«Вы назначены членом Высшего совета апокрифов. Ваше преданное служение Совету снискало вам значительную благосклонность в глазах Его Святейшества. Он ожидает вас в Авиньоне».

Аббат перестал улыбаться. «Высший совет? Я всего лишь епископ. Членами Высшего совета являются только кардиналы».

Блази, подбирая слова, резко собрался с мыслями и произнес: «Как бы то ни было, вы и аббат Нижнего совета в Италии теперь повышены до членов Верхнего совета».

«Домингус?»

«Истинно, аббат Домингус из Канчелло. Его Святейшество вызвал вас обоих в Папский дворец — без промедления».

«А что же с аббатством? Кто будет руководить...»

Блази прервал его взмахом руки, ободряющим тоном: «Его Святейшество прекрасно знает, что охраняет это место. Именно поэтому я здесь. Именно поэтому здесь находится строгий эскорт. Аббатство в полной безопасности. Его Святейшество поручил мне исполнять обязанности временного аббата этого аббатства, пока он не назначит подходящую замену. Кроме того, другой кардинал в сопровождении эскорта направляется в итальянский монастырь Канчелло и будет исполнять обязанности временного аббата там, пока не будет найдена подходящая замена».

Блази сложил руки на поясице и улыбнулся. «Аббат Вониг, я приветствую ваше назначение в Верхний Совет и хотел бы добавить, что ваши годы преданной службы апокрифам весьма примечательны».

Аббат Вониг почувствовал неладное. Незадолго до смерти кардинала Лина тот отправил ему письмо. Кардинал сообщил, что Папа Климент до сих пор не знает о скрытой цели Апокрифического собора, о роли двух его монастырей и об обязанностях Папы как его официального главы.

Вониг задал вопрос Блази: «Его Высокопреосвященство Массон, поскольку Верхнего совета не было».

Как Его Святейшество получил информацию о делах, касающихся апокрифов , после смерти Его Высокопреосвященства кардинала Лина ?

«Его Святейшество с тех пор ознакомился с записями архивов апокрифов », — возразил Блази.

«Однако пожар уничтожил все его архивы. Как Его Святейшество сможет осмотреть документы, сгоревшие ранее?»

«Возможно, сгорело не всё; у меня нет готового ответа. Однако вы можете задать Его Святейшеству вопросы по этим деталям во время вашей встречи с ним».

Вониг прищурился. «Если угодно, Ваше Высокопреосвященство, могу ли я ознакомиться с указом Его Святейшества о назначении?»

«Конечно, можете, аббат». Блази вытащил письмо из-под облачения.

Аббат снял восковую печать с письма и зачитал распоряжение — распоряжение, подписанное Папой Климентом.

Вониг сложил письмо и осмотрел обе половинки восковой печати. «Почему на ней нет отиска герба Его Святейшества ?»

Блази защитил документ: «Как вам хорошо известно, деятельность Совета носит секретный характер».

Его Святейшество настаивает на том, что двумя апокрифическими монастырями должны управлять только кардиналы. Вы должны обращаться к Нему со всеми трудностями, которые могут вас мучить. И Он ожидает от вас немедленного решения.

Вониг посмотрел на Борна. Его зеленые глаза горели в ответ. Вониг признался Блази, сдавленным голосом: «Я не могу служить членом Высшего совета. Я стар и устал; мои дни сочтены ».

«Тогда вы должны сообщить Его Святейшеству о своем состоянии, аббат. Я лишь вручаю ему повестку».

«Я не могу обслуживать...»

Блази прервал его: «Вас ждет замок Маллоу в Авиньоне. Он станет вашей новой резиденцией. У вас есть время до завтра, чтобы забрать свои вещи. Капитан позаботится о том, чтобы ваши личные вещи были должным образом размещены. И вы можете договориться о встрече с монахами, чтобы сообщить им о своих хороших новостях и представить меня как нового аббата».

«Я сделаю это, Ваше Высокопреосвященство».

«Аббат, полагаю, вы недовольны решением Его Святейшества».

Вониг выразил глубокое разочарование. «В мои годы часто возникают мысли о смерти. У меня есть склеп в катакомбах — боюсь, я никогда им не воспользуюсь».

«Подробности вашей смерти можно уладить, аббат. Во-первых, вы должны явиться к Его

Святейшеству. Я останусь в гостевых покоях, пока вы будете оставаться аббатом. Вы должны позаботиться об этом». **что о стражах и конях заботятся?**

«Хорошо. Возможно, я назначу вам сопровождающего до...»

Блази прервал его: «Я сам найду выход, аббат».

«Воистину, Ваше Высочество», — поклонился Вониг, когда Блази вместе с Борном покинул кабинет. Вониг повернулся к окну и безучастно уставился в поддельное письмо, которое дрожало в его слабой руке. Он подумал об Иване и этом изуродованном мальчике Лазаре; он размышлял о склепе, который приказал выкопать и отвел для себя; и, скорее всего, как он понял, его останки никогда не вернутся в любимое аббатство, которому он так долго служил.

Вониг заперся в своем кабинете. Блази осмотрел территорию и сооружения. Капитан Борн прочесал аббатство с войсками, разместив охрану на, как он считал, ключевых позициях. К наступлению ночи капитан превратил аббатство в неприступную крепость — вход и выход были закрыты; на каждом углу стоял бдительный солдат .

На следующее утро, сразу после службы, аббат Вониг успокоил встревоженных монахов, сообщив им о своем переводе в Авиньон. В полдень он сел в карету, и конные солдаты сопровождали его прочь. Блази двигался с нарочитой поспешностью. Новый аббат созвал собрание только старших братьев аббатства — только тех, кто знал о существовании Воротного камня и истинном предназначении аббатства как его хранителя. Причина созыва собрания была проста: провести анализ деятельности младшего совета братьев примерно так же, как это было принято в любой церковной инквизиции. Будучи кардиналом Коллегии, Блази был весьма сведущ в искусстве охоты на ведьм. Он знал, что метод любой инквизиции был строгим и простым: собрать собрание, установить абсолютную власть, потребовать признаний в совершении преступлений, а затем разделить массы, заставляя их свидетельствовать друг против друга.

На созванном собрании старших монахов Блази поручил каждому священнику написать письмо и передать его ему до наступления темноты. В нём он ожидал трёх вещей. Во-первых, священники должны были... Перечислите все объекты и практики аббатства, которые можно было бы улучшить. Хотя Блази был довольно равнодушен к предложенным улучшениям, этот список хорошо послужил отвлекающим маневром для монахов от следующих двух списков, которые были первостепенными для его плана и являлись основной причиной инквизиции . Второе требование Блази заключалось в том, чтобы священники дали изобличающие показания против своих собратьев-священников, перечислив все засвидетельствованные действия, которые могли показаться «недостойными» монаха. Третье и последнее требование Блази заключалось в том, чтобы они написали личные признания в неправомерных действиях. Он сообщил монахам, что все письменные признания остаются конфиденциальными.

Возмущенные старшие монахи могли лишь подчиниться. Однако упражнение Блази

Как бы сурово это ни казалось, оказалось весьма эффективным, поскольку, подобно ожидаемым результатам работы молотилки, этот процесс отделил пшеницу от плевел — хорошее зерно от плохого. После отстранения этих добрых и честных монахов всплыли лишь семь священников сомнительного поведения. Из этих семи Блази вычеркнул из списка брата Одино — он не хотел иметь, как он считал, «толстого пьяницу». Блази принял участие в открытии Гейтстоуна. Он также вычеркнул итальянское имя, поскольку хотел, чтобы в этом, как он понял, французском деле участвовали только французы. Таким образом, осталось всего пять монахов.

Один за другим, наедине, Блази вызвал пятерых монахов в кабинет аббата . Он повторил каждому из них одну и ту же историю: что по совместному приказу Папы Климента Святого Престола и короля Филиппа Французского он должен использовать Камень Ворот как оружие против англичан. В заключение он спросил каждого монаха, не согласится ли тот помочь ему изгнать англичан из Креси.

Из пяти монахов в списке Клодий и Гревилл согласились помочь Блази с Вратным камнем, однако настойчиво намекнули на перевод на другие должности в качестве адекватной компенсации — в качестве потенциальных смотрителей катакомб аббатства. Они хотели занять места Ивана и Одино. Блази согласился на их перевод только после того, как они помогут ему с Вратным камнем. Из оставшихся трех монахов брат Грейт не так охотно согласился помочь; однако, слегка толкнув его и угрожающе прищурился, Блази резко убедил его. Двое оставшихся монахов нагло отказались помогать Блази и предупредили его о возможных серьезных последствиях за то, что он потревожит Вратный камень. Блази выразил разочарование их упорным нежеланием и отпустил их из кабинета, лишь для того, чтобы незаметно кивнуть капитану Борну, стоявшему у открытой двери. Впоследствии Борн проводил двух монахов за город, чтобы они отдохнули. Аббат Вониг, его уста были навсегда запечатаны грязью.

Для Блази это было поразительно, он чувствовал, будто совершил, казалось бы, невозможное. Потратив всего три жизни, он получил контроль над аббатством Гардиенс и его охраняемыми воротами, а также заручился поддержкой трех старших монахов, при этом постоянно скрывая свои намерения.

В последующие дни Блази уединился в кабинете аббата , изучая долго хранившиеся в архивах аббатства рукописи, разорванные страницы которых он извлек из архивов апокрифов . а также чертежи собора аббатства . Будучи поглощенным своей более важной миссией — изгнанием англичан из Франции, Блази следил за тем, чтобы монахи и оруженосцы продолжали свою обычную жизнь, даже подчиняясь все более строгим требованиям крепости, установленным Борном.

как атмосфера.

~*~

Монах с загорелым лицом стоял в тихой медитации за конюшнями аббатства. Многолетняя работа смотрителем конюшен закалила его облик. Если бы не священническая ряса, он мог бы сойти за обычного фермера. От его тонких каштановых волос почти не осталось, а макушка была покрыта коричневыми пятнами, оставшимися от многочисленных жарких летних дней, проведенных на открытом воздухе. Брат Фестоно был старшим монахом и членом Нижнего совета. Конюшни и лошади находились под его опекой, как и мальчики-священники аббатства, которые регулярно доставляли почту между аббатством Гардъен и почтовым отделением в городе Орлеан.

Фестоно, с руками кузнеца на узких, облаченных в мантию бедрах, наблюдал, как угасающее, болезненное солнце скрывается за жесткой темной линией горизонта. Над головой угасающие лучи дневного света омывали высокие, раскинувшиеся облака красочными оттенками, которые в совокупности казались мерцающим небесным огнем. В холодном сумеречном воздухе тишину нарушал звук уха. Фестоно опустил руки, фыркнул и быстрым шагом направился к передней части конюшни — он ожидал доставку почты за несколько часов до наступления темноты.

Завернув за угол здания, священник увидел фигуру в облачении с фонарем.

Высоко в небе, приближаясь к конюшням со стороны северных ворот аббатства.

Приближаясь к Фестоно, силуэт выкрикнул: «Что поддерживает почтовую доставку?»

Фестоно ответил своим же вопросом: «Вы видели моего посыльного?»

«Действительно, некоторое время назад я был у главных ворот с братом Грейтом и мальчиком Мигуалем. Я собрал...»

«Он уже должен быть на конюшне».

Фестоно заметил тень у входа в аббатство, расстояние до которой стремительно сокращалось под стук копыт.

«Солдаты повсюду», — пожаловался призрачный монах, опуская фонарь. Он остановился рядом с Фестоно и повернулся лицом к приближающемуся мальчику-священнику. «Они долго держали меня у ворот. Скажу сейчас, Фестоно, за всем этим кроется нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Какому аббатству нужна армия, чтобы управлять своими благими намерениями?»

Фестоно уперся руками в бока и бросил пристальный взгляд на скачущего оруженосца.

Посланник остановил своего коня. Фестоно схватил его за уздечку, когда бритый макушка юноша спешил. «Теперь я должен присмотреть за своим конем в темноте! Ты немедленно объяснишь свою задержку!» — отчитал его Фестоно.

Оруженосец поклонился и признался: «Простите меня, монах. Я позабочусь о коне, монах».

Если вы этого пожелаете. Я оставил почтовый мешок у главных ворот. Мне пришлось его поискать. «Половину дня?» — спросил Фестоно, ведя коня в конюшню. Затем он остановился и резко развернулся. «Почему она мне жалуется? Ты опять на ней сильно ездил, парень?» И снова гонец хмыкнул. «Простите меня, монах. Я правильно понял, что прибуду до наступления темноты — как и следовало ожидать от моего возвращения. Я покинул Орлеан поздно, так как гонец из Авиньона тоже прибыл поздно. Тем не менее, я напоил коня у главных ворот». И в Орлеане её кормили очень скудно.

«Понятно». Фестоно хлопнул коня по поводьям возле привязи. Другой монах поднял фонарь для лучшего освещения. Фестоно продолжил: «Что касается вашего опоздания, я ожидаю, что вы «Доложить мне на рассвете. Необходимо провести тщательную уборку конюшен».

«Я так и сделаю, монах».

Фестоно, проезжая мимо, проверил привязанные поводья и похлопал коня по боку. Затем он ослабил ремни кожаного кольчужного мешка и снял его с коня, после чего бросил мешок другому монаху. «Вот твоя кольчуга; одолжи мне свой фонарь». Они поменялись местами. Фестоно отвернулся и поднял фонарь к крюку высокого столба.

«Вам от меня что-нибудь ещё потребуется, братец?» — спросил посланник.

«Да», — ответил священник, напрягая голос и занимаясь фонарем.

«У меня есть!» — пожаловался другой монах. — «Что ты делаешь? Подожди!»

Фестоно обернулся и увидел солдата, перекидывающего почтовую сумку через плечо и выходящего из конюшни с портфелем в руках, который ответил: «Мои приказы вас не касаются, священник, — это всего лишь почтовая переписка».

Фестоно и его оруженосец наблюдали, как монах выбежал из конюшни и позвал вслед...

Солдат: «От кого приказ? Верните! Подождите!»

Фестоно позвал гонца манящим взмахом руки. Он поднял копыта.

Осматривая своих коней, он, проверяя состояние каждого, прошептал своему оруженосцу:

«Послушай меня внимательно. У меня для тебя еще одно задание. Я ожидаю, что ты спрячешься в конюшне этим вечером — на чердаке, наверху. Не показывайся страже. Ты должен отправиться в Авиньон до рассвета».

«В самом деле, монах».

«Вы должны доставить Его Святейшеству очень важное письмо, требующее немедленного ответа. Во что бы то ни стало, оставайтесь в его кабинете, пока он его не прочтет. Делайте все возможное, но помните о своем положении перед ним. Вы меня собрали?»

«Да, братец, — чего бы это ни стоило, и с должным уважением». Молодой человек слегка поклонился.

«И я не ожидаю, что вы вернетесь без ответа, будь то письменного или устного».

«Хорошо», — сказал Фестоно. «Я вернусь утром и буду ждать вас готовыми к поездке».

Ветер. На этот раз ты будешь ехать на коне аббата Вонига.

Посланник улыбнулся, зная репутацию жеребца.

«Тогда поднимайтесь». Священник жестом пригласил своего оруженосца подняться на стропила, затем взял фонарь и направился обратно к северным воротам аббатства.

Ночь продолжалась, и большинство монахов и оруженосцев в общежитии аббатства уже удалились на вечер. Однако в покоях Фестоно масляная лампа освещала причудливый стол, на котором лежал пергамент, адресованный Его Святейшеству. Фестоно поставил свою подпись, опустил перо в чернильницу и высушил чернила. Он перечитал письмо, в котором подробно описывались события с момента прибытия Блази в Гардъен. Цель письма была ясна: спросить Папу Климента, назначил ли он замену аббату Вонигу кардиналом из Авиньона. Он признался Клименту, что опасается худшего: что лица, не входящие в состав Собора, могли узнать о существовании «реликвии», которую охраняло аббатство. Фестоно аккуратно сложил письмо. Он нагрел нож над масляной лампой и отрезал уголок воскового блока, прежде чем запечатать письмо расплавленным воском. Он высушил печать.

Внезапно масляная лампа замерцала. Письмо в его руках затрепетало. Казалось, комнату наполнил холодный воздух. Фестоно перевел взгляд, чтобы убедиться, что окно плотно закрыто. В неестественном «Холод», — он закашлялся и увидел, что от него исходит явный запах тумана. Священник вскочил со стола и резко обернулся, выискивая в тусклых углах своих покоев ... Её.

Однако в дальнем углу он увидел лишь стоящий силуэт. Он отступил в сторону, чтобы масляная лампа осветила его и выявила тeneвую фигуру. Его кости расплавились; ужас поглотил его, словно река горячей смолы могла обрушиться на него. Перед ним предстала Дух камня, совершенно обнаженная, с блестящими черными глазами, длинными волосами и ухмыляясь его гибкой душе. Священник знал Ее так же, как и все монахи аббатства: призрачного Демона и развратницу, существовавшую веками — Правящую Королеву Суккубов и Злой материнский источник всех гротескных фигур, украшавших террасы собора аббатства.

«Нет!» — Фестоно сунул письмо за спину.

«Ну правда же, святой человек. Разве я не угодил тебе?» — произнес Люцифаил в хоре из тысячи женщин.

«Умоляю вас, покиньте меня».

«О, но я не могу, сэр», — усмехнулась она.

«Я отдал себя Богу», — бормотал Фестоно. Как и многие монахи аббатства, даже у Фестоно была своя собственная крылатая статуя на вершине собора, установленная много лет назад.

«Так это называется? Боже?» — саркастически спросила она, подходя к нему.
«Он — твой Господь и Царь. Убирайся прочь, Женщина-Призрак!»

Люцифаэль остановилась перед ним, сложила руки за спиной и довольно невинно спросила : «Что это за лист, который ты пытаешься от меня скрыть, Фестоно?» Священник застыл на месте, дрожа. «Во имя Божие, покиньте Его священную землю». Она наклонилась к нему, словно ей было любопытно узнать о спрятанном письме, и Фестоно обнаружил Он пристально смотрел на ее пышную грудь, которая свисала в свете лампы.
«Они вам нравятся, милорд? Они вам доставляют удовольствие?» — спросила она соблазнительным шепотом, не поднимая глаз. Фестоно оторвал взгляд: «Прочь, дьяволица-блудница, во имя всего святого и священного!»
Она встала и спросила: «Уходи? Ты пишешь письмо, в котором вызываешь меня, а потом желаешь, чтобы я ушла?» Кокетливая улыбка скользнула по ее губам, и письмо вспыхнуло пламенем. Он резко отдернул руки, и бумага, превратившись в хрупкий кусок пепла, упала на пол.

«Ну и что, это было так уж страшно или ужасно?» — спросила она, свободно обнимая его за плечи. Он вырвался и побежал к двери, но она не открылась. Он ударил кулаком по ней и попытался закричать, когда она взмахнула пальцем с черными ногтями, и у него в горле затихла речь. Он снова постучал в дверь, но по комнате не разнеслось ни звука.

«Прошло много сезонов с тех пор, как ты в последний раз вкусил плоти — и меня. Даже сейчас я знаю, какое жжение тебя охватывает; но я избавлю тебя от муки тоски. Займи своё место на постели, но помни, что я не буду лежать под тобой». Она махнула рукой и ответила ему на его голос.

«Нет!» — выплюнул он, отступая в угол между дверью и стеной. Она легко переступила через комнату и помогла ему выбраться из угла, подводя к кровати и утешая его шепотом: «Одолжи мне свое семя еще раз, святой человек. Только тогда я повелю тебе уйти».

Фестоно отстранился, прижавшись спиной к стене. Люцифаэль загнала его в угол между столом и кроватью. Она наклонилась к нему лицом. «Ты еще полон сил, мой бодрый святой . И разве я недостойна в твоих глазах?» Она поправила складки его одеяния и посмотрела на него. Он подошел к нему с удовлетворённой ухмылкой.

«Нет. Никогда больше», — сказал он ей. В узком пространстве между их лицами Фестоно коснулся его лба и туловища, скрестив пальцы. Люцифаэль откинулась назад, Ее черные глаза сверкали. Она схватила священника за подбородок. Во рту у нее образовались собачьи клыки, когда она заговорила: «Мое терпение на исходе. Я прошу вашего разрешения только потому, что...»

У вас есть желание это дать. Не путайте это с выбором — я могу дать только достоинство. Ты."

«Но зачем вы продолжаете их создавать? Все они мертвы — выжжены солнцем — превратились в камень».

Она усмехнулась. «Тысячи умирают, чтобы тысячи могли выжить. Такова природа жизни». Смерть. Что ты знаешь о чём-либо, кроме похоти и вины?

«Ваши гротески мертвы! Все до единого! Они — лишь безжизненные статуи на вершине собора!»

Она взглядела ему в глаза. «Довольно пустых слов, святой человек. Одолжишь мне свое семя или нет?»

«Ты предстанешь перед судом пред...»

Она прервала его взмахом своего черного ногтя и снова лишила его голоса. Он пытался повернуться, но не мог вырваться из ее объятий.

Она нахмурилась, прищутив свой черный взгляд. «Как пожелаешь. Мне никогда не требовалось твоего согласия». Она провела пальцами по его лицу, пытаясь проникнуть в самые глубины его сознания. Священник напрягся и задрожал; его широко раскрытые, полные слез глаза могли лишь наблюдать, как дрожащая рука тянется к испачканному воском клинку на столе. «Истинно, мой дорогой святой человек, — Люцифаэль, купаясь в ужасе, — ты отдашь мне то, что принадлежит мне. Подними это; воспользуйся этим. Я твой изгнанный и скитающийся бог, который теперь повелевает тобой». Она рассмеялась, как множество женщин одновременно, и ее голос становился все глубже с каждым словом. «Никогда не живет такой злой кочевник, как Дэймон, бог, собака ...»

Внезапно ее голова, с треском, деформировалась, принимая форму истлевшей головы шакала . Вокруг ее новой морды отсутствовали участки кожи, обнажая кости с ямками. От ее головы исходил отвратительный запах, нарушавший покой комнаты. Затем она схватила его за плечи, наклонилась к его уху и со вздохом прошептала: «— как я». Фестоно наблюдал, как его рука подняла нож.

Люцифаэль погладил себя по груди, склонив голову, словно любопытная собака, в то время как дрожащий клинок приближался к священнику.

«Успокой душу свою, святой человек, — утешала она его, источая удушающий запах животного дыхания. — Да избавлю я тебя от мучительной боли человеческой».

Фитиль лампы впитал последние капли масла из почти пустого сосуда; и пламя его беспорядочно подпрыгивало, словно поглощенное яростным огненным танцем, пытаясь отбросить неумолимую и всепоглощающую тьму и сохранить себя.

За пределами общежития аббатства и на всей территории двора ни один солдат не видел слабого пульсирующего свечения, исходящего из узкого окна покоев священника . Никто

Мы увидели угасающее сияние и всё более темнеющую комнату. Ни один монах не проснулся от мирного сна. Время шло, и ночь медленно угасала.

~*~

Еще до рассвета в келье раздались душераздирающие крики, и все большее скопление солдат и сонных монахов хлынуло по коридору к покоям Фестоно . Они ворвались в его келью и обнаружили, что комната находится в полном беспорядке: опрокинутая мебель, разбитые личные вещи и изорванный пергамент, покрывающий пол и мебель, словно снег. Монахов заставили покинуть комнату так же поспешно, как и войти, не сотни обрывков пергамента . И не беспорядок в комнате заставил ошеломленных солдат упасть на пол . Дело было в том, что стены и пол были так сильно забрызганы кровью, что запах кельи был резким, похожим на запах железа.

Перед ними в дальнем углу своей комнаты, рядом с опрокинутой кроватью, сидел рыдающий Фестоно. Священник лежал на кровати, держа в руках молоток, застрявший в облачении на коленях, покрытых слипшейся кровью. Его безжизненная другая рука была распята на спинке кровати, а лезвие торчало из распухшей ладони. Увидев толпу у своей двери, он вскочил на колени и, вбивая лезвие глубже в ладонь и кровать, выкрикивал отрывки из Священного Писания об Иисусе. Распятие. С лба стекал пот, его застывший взгляд и белки глаз метались по комнате, словно рассеянный взгляд бешеной собаки. Солдаты бросились арестовывать его руку с молотом, и он раздавил лицо одного из них, прежде чем они успели спасти священника от самого себя. Прижатый к земле и тяжело дыша, Фестоно рухнул, и солдаты освободили его распятую руку.

Увы, Фестоно умер в тот день; и только после его смерти — во время подготовки к похоронам — несколько его собратьев-монахов обнаружили, что он использовал этот клинок не только против себя. рука. Им было очевидно, что в своем прогрессирующем безумии священник кастрировал себя; однако последующий тщательный частный обыск его покоев ничего не дал. Обнаружив это, Блази приказал тем монахам, которые узнали о самоистязании, остаться. Затем , чтобы стереть безумие Фестоно с пола и стен, следует запечатать покойного монаха. комната в общежитии на неопределенный срок. И вот, завернутый в ткань монах Фестоно стал новым обитателем великолепной и богато украшенной катакомбной крипты, когда-то предназначенной для покойного аббата Вонига; и, к счастью для Блази, это ужасное отвлечение хорошо послужило тому, чтобы отвлечь внимание монахов от более зловещей цели, которую он еще вынашивал.

[Конец главы 5]

Это литературное произведение было создано исключительно в память о...

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~